Александр Назаренко

Концерт Высоцкого в Одессе

Я был знаком с Владимиром Высоцким и тесно общался с ним в течение пяти лет в свою бытность капитаном пассажирских лайнеров «Аджария» и «Шота Руставели». По моему приглашению Володя и Марина Влади каждое лето совершали с нами семидневные круизы по портам Чёрного моря. Высоцкий давал по два концерта за круиз. И я не пропустил ни одного.

Но однажды я случайно оказался на концерте Володи в Клубе портовиков Одессы. Здание Портклуба Максим Горький описал в своем рассказе «Челкаш». Мне позвонил наш групповой инженер Сенечка Кузьмис и уведомил, что Владимир будет ждать меня в клубе перед концертом (Высоцкий в тот период снимался на Одесской киностудии). А буквально на днях Володя вместе с Романом Быковым приходили к нам на теплоход Аджария, стоявший на ремонте на СРЗ №1 (бывший завод «Марти»).

Стояла бархатная одесская осень. Я спустился по Ланжероновской и обнаружил что, от входа в Археологический музей и парадных ворот Пароходства до Таможенной площади толпится много людей.

Убедившись, что пробиться сквозь толпу стоявших «насмерть» нет никакой возможности, я решил потоптаться в надежде встретить знакомых и обнаружил, что в толпе снуют работники водного отдела милиции, все в штатском. Мы их хорошо знали. Они совершали с нами рейсы по Крымско-кавказской линии по своим розыскно-уголовным делам. Я попросил старшину милиционера помочь мне попасть на сцену для встречи с Высоцким. Но это было невозможно: зал был переполнен, а аварийные выходы закрыты изнутри. Старшина сообщил, что после обеда их подняли по тревоге, и половина отделения работает снаружи, а вторая – в зале, и они здесь не единственные «стражи порядка». Никакой информации о намеченном концерте Высоцкого по радио, телевидению, или в прессе не было. Но слух о концерте распространился мгновенно, и одесситы стали собираться уже с пяти часов вечера. Мой приятель, одесский художник Юрий Абдурахманов рассказал, что билеты не продавались, входную цену в зал объявляли двое верзил, принадлежащих к «канавской» братве.

Сдерживая толпу и пропуская поодиночке в приоткрытую дверь, они вещали: «Гони по рублю за проход!», «Но ви же все любите Вову, так уже прибавьте ему пару рублей, чтобы он себе лучше чувствовал», «Эй ты, очкастый в шляпе, ты же интеллигентный человек! Меньше чем за червонец я тебе не пропущу». Садиться в зале не разрешали, чтобы больше вместилось. Никто толком не знал, когда начнётся концерт. Я подошел к группе молодых людей, стоявших у стены, среди которых выделялся некий Алим, представился и попросил помочь мне увидеть Высоцкого. Мы зашли во двор, в полной темноте прошли по коридору и поднялись по узкой лестнице до двери. Дверь открыла испуганная женщина, и мы очутились на сцене.

Вскоре появился Володя в сопровождении миловидной женщины и двух нагловатых молодых людей. Володя представил женщину и вежливо с улыбкой сказал: «Саша, пожалуйста, предоставь ей возможность провести один круиз на теплоходе «Аджария», удели ей максимум внимания и теплоты так, как может это сделать только ты; она – вдохновитель и организатор моего здесь выступления». Я попытался рассказать Володе, что происходит снаружи, но молодые люди буквально оттащили его от меня. Через несколько минут эта миловидная женщина паскудила Алима последними словами, достойными лексикона одесских биндюжников и портовых грузчиков. Алим вяло оправдывался: «Я запустил всех зараньше, пока ещё главные мусора не нарисовались».

Володя оставался в глубине кулис и выглядел сосредоточенным, весь в себе. Я догадывался о состоянии перед концертом великого шансонье. Он готовил себя к исполнению своих, как я их называю, «тяжелых» песен. Они истощали его нервную систему и укорачивали жизнь. На мои просьбы перед «круизными» концертами не убивать себя, не надрывать свое измученное сердце, свою душу, свое горло, он всегда с грустной улыбкой отвечал: «Я не могу иначе». Я решил уйти, но выйти со сцены наружу не было никакой возможности. Сказать что зал был переполнен – это ничего не сказать. Зрители, находившиеся между первым рядом кресел и сценой, подвергались опасности быть раздавленными. Когда я ощутил под ногами пол зала, то обнаружил, что пуговицы моего замшевого пиджака, купленного на стамбульском базаре, оторвались «с мясом», а брюки, купленные в Генуе, лопнули в промежности от ширинки до пояса сзади. Приняв на себя мощное давление поклонников таланта Высоцкого, я испытывал критические нагрузки. К этому нужно добавить духоту ввиду отсутствия вентиляции, рев динамиков в вестибюле, похожий на боевой клич индийских слонов. Но никто не роптал. Я не услышал ни слова осуждения или критики. Все мучились и тихо, беззлобно переругивались между собой.

Пожилая полная женщина вынесла стул и поставила посередине сцены. (Володя на концертах любил ставить ногу на перекладину ниже сидения). Кто-то закричал, что стул стоит неправильно. Это развеселило публику, посыпались рекомендации: «Сам выйди, шлимазл, и поставь!». Вдруг динамики в вестибюле смолкли. На сцену вышел мужчина, поставил микрофон, долго щёлкал по нему пальцем и с умным видом прислушивался. Это вывело публику себя, в его адрес полетели замечания.

Наконец, на сцену вышел Володя. Извиняющимся тоном он произнес: «Простите, я здесь не причём. Все видели, что я пришел раньше всех, Одессу и одесситов уже полюбил. Не лгу, одесситки – одни из самых красивых женщин в стране. Я подобрал репертуар специально для вас, вы уйдёте отсюда довольными». Володя взял аккорд, чтобы проверить настройку гитары, и динамики в вестибюле опять взвыли. Зал взревел, в адрес работников Портклуба посыпались проклятия. Кто-то заставил их замолчать, умиротворив портовых почитателей искусства. И концерт начался.

Первая его песня о подводниках была как удар обухом по голове. Это было драматическое действо одного актёра. Володя испытывал страдания своих героев от удушья, состояние ужаса приближающейся неизбежной смерти, отчаяния, когда нет надежды на спасение. Начав петь, Володя уже не был собой, он был одним из моряков, погибающим в задраенном отсеке подводной лодки.

Высоцкий пел, мощно атаковав слушателей, используя сильнейшее воздействие своего завораживающего голоса, данного ему Создателем, способность влиять своими гипнотическими импульсами на сознание окружающих. «Пацанов жалко», – сказала прижатая рядом девушка, по её лицу катились крупные слёзы. И добавила: «Я только что была в тёмном и сыром склепе». А пожилой маленький человек в очках с толстыми линзами как бы про себя повторял: «Как это отвратительно! Никто не имеет права отнимать жизнь ни в чём неповинных людей!».

После каждой песни Володя давал залу передышку, было понятно, что он жёстко владеет залом. Спокойно поговорив о своей юности и раннем творчестве, он предложил послушать «А тот, кто раньше с нею был». Толпа встретила эту песню с одобрительным гулом. Представились молодые шальные годы, истерзанная войной страна. Разруха, макуха, продукты по карточкам, включая мокрый черный хлеб; «Московская» на разлив у будок, на закусь – смёрзшиеся пирожки с картошкой и горохом. Брюки-клёш с клапаном, который застёгивался на пуговки на бёдрах, которые можно было запросто купить «на балочке», «корочки» на кожемитовой подошве второй гособувной фабрики... Матросские бушлаты, кепки-восьмиклинки и белые шелковые шарфы на шею – предел мечтаний. По субботам – танцы в клубах под радиолу, например на жестяно-баночной фабрике. В других местах в течение вечера разрешалось танцевать только один раз фокстрот и один раз танго. Польки, кадрили, падекатры, падеграссы мы танцевали фокстротом и чарльстоном. На танцы в Портклуб, клуб Дзержинского было опасно приходить по одному, разумнее – «кодлом. Как правило, танцы кончались дракой или «толковицей». Вспомнились драки «дом на дом», «улица на улицу». Сходились в серьезные побоища и целые районы, в Дюковском саду или парке Шевченко. Но здесь оставим воспоминания.

Зал реагировал буйно. И тут– то случилось непредвиденное. Крепления первого ряда кресел не выдержали напора и начали заваливаться на людей, стоявших в первом ряду. Возникла опасность быть кому-то искалеченным. И тут оказалось, что всё таки кое-кто следил за порядком в зале. Двое молодых здоровых парней вытащили на сцену человек десять и приказали всем сесть на пол сцены. А на сцене появился приземистый крепыш, поднял вверх правую руку и хриплым голосом закричал: «Шааа! Спакуха! Всё окей до самого гудбая! Ребята из шестой бригады побили рыла пересыпской жлобе, которые всю дорогу штурхали людей из вестибюля в зал. Там уже стоят наши». Затем он негромко обратился к Высоцкому: «Владимир Семёнович, дорогой ты наш, извини, понадеялись мы тут на всяких! Нам, чтобы на душе стало сладко, спой про Магадан». Володя не стал менять программу, так и не спев про Магадан. Вскоре со стороны вестибюля потянуло свежим сквозняком: кто-то догадался открыть двери или окно. Стало совсем хорошо.

Зал успокоился. И вдруг, без представления, Володя оглушил слушателей «Охотой на волков», войдя в образ вожака волчьей стаи. Вена на его шее с правой стороны вздулась от напора крови. Он стал волком, несущимся из последних сил прямо на охотника, чтобы в стремительном прыжке перегрызть ему глотку, а если не повезёт, и он схватит пулю, то это сделает другой бегущий рядом брат, такой же сильный и гордый, чтобы волчицы смогли вывести молодняк за флажки. Своим потрясающим актёрским мастерством, силой своего таланта Володя сумел включить в извилинах мозга тот центр тревоги, который отвечает за немедленные действия под угрозой гибели близких. Я вспомнил 1945-46 годы в Одессе, когда городские власти были вынуждены организовать отлов бездомных животных. Скажу честно, мы, пацаны, давали гицелям, которые шли на эту мерзкую работу, настоящие бои, были готовы биться за каждую нашу уличную или дворовую собаку. На чердаках и крышах домов готовили кирпичи, битую черепицу, камни и бросали на приближающуюся машину с гицелями.

Когда Володя окончил петь «Охоту на волков», толпа завелась до такого накала, что крикни вдруг Володя: «А ну, за мной бить милицию, громить витрины магазинов!», все бы не раздумывая пошли за ним.

Помню, что Володя спел тогда девять песен. Из них запомнилась ещё одна «Я не люблю...». С первого же куплета зал затих. Лица стали серьезными, вдумчивыми. Полагаю, ни один проповедник не смог бы так глубоко проникнуть в души прихожан, добраться до их сердец.

После девятой песни стало очевидно, что больше петь Володя не может. Но никто не хотел расходиться. Несмотря на боль в пояснице и голове, я тоже не хотел уходить. «Очухавшись» на свежем воздухе, не найдя никого из знакомых, я побрёл домой. Я шел и думал, как было бы правильно, если бы в то время с Володей был искренне любящий его и заботящийся о нём человек, который приготовил бы для него ванну, покормил бы его чем-нибудь– глосиками, копчёной скумбриёй, брынзой, икрой из синеньких, напоил бы чаем, уложил в постель. Но я знал, что вместо этого его повезут на «банкет», где будет много водки, скудная дешёвая «закусь», а окружающие его люди будут просить, требовать, чтобы он им пел. И всё это продлится до четырёх утра, и Володя опоздает на съемку, и опять ему будут угрожать увольнением.

Я шел и пытался понять, как могло случиться, что я покорно следовал законам толпы. Я рисовал себе ужасные картины пожара, который мог случиться из-за возгорания электропроводки, а двери аварийных выходов были заперты. Когда тонул пассажирский лайнер «Адмирал Нахимов», пассажиры с нижних палуб, в кромешной тьме пытаясь найти выходы на открытые палубы, обезумев, давили друг друга. Водолазы нашли вновь назначенного начальника КГБ по Одесской области с внуком, задавленными под шестью слоями трупов. Кстати, если бы этот человек не задержал отход теплохода в Новороссийском порту на 15 минут (он опоздал), катастрофы могло бы не быть. Я размышлял о том, что в зале была не очень образованная и обеспеченная публика. Но все они, ошарашенные могучим смыслом песен Высоцкого, понимали и принимали подсознательный смысл его творчества. Я думал о том, что в своей песне из кинофильма «Опасные гастроли» Володя не зря упоминает добрым словом одесских портовых грузчиков. Жители припортового района Одессы достойны пера Куприна, Бабеля, Паустовского. О них ещё напишут повести и романы. Я хочу только пояснить, почему этих веселых и жизнерадостных людей любит Одесса.

1945-1946 годы… Одесский порт буквально завален «союзническими» консервами со свиной и говяжьей тушенкой, бобами какао, яичным и молочным порошками, сахаром. В ту пору на внешнем рейде порта находились на якоре десятки сухогрузов под флагами США и Великобритании в ожидании выгрузки. Шла невиданная по интенсивности работа порта. А квота на снабжение Одессы привезёнными из США продуктами была до смешного мизерной, всё вывозилось в другие районы страны. За попытку вынести из порта банку свиной тушенки пойманный получал семь лет каторжных работ на севере. Но в руки «вохровцев» и «краснопёрых» (краснопогонников, войск МВД) попадались только неопытные новички-одиночки (фраера). И американские продукты одесситы могли купить по сходной цене чуть ли не в каждой подворотне Канавы, Пересыпи и Молдаванки. «Тётя Фира, сегодня нам во двор заносили свиную тушенку. Вам надо? Я взяла две лишних банки».

Союзническую помощь умело «добывали» настоящие мастера своего ремесла, как свои пять пальцев знавшие одесские катакомбы. Они задействовали экипажи буксиров портофлота и лоцманских катеров по вывозу краденого в Хлебную гавань, на Пересыпские заводы, Лузановский пляж и Ланжероновский массив. Ими была изучена смена вахт и караулов. Так что Одесса была прилично обеспечена. А голод начался в Одессе в 1947 году, когда помощь США резко оборвалась, и отношения с западом ухудшились.

Завершая рассказ, я хочу сказать несколько тёплых слов в адрес Марины Владимировной Поляковой, Влади. Марина, как могла, сдерживала прыть Володиных коней, отводила их от пропасти, боролась самоотверженно. Она отлично понимала, что Володя значит для России. Она знала, что Высоцкий на века будет востребован и нужен людям. И жизнь это доказывает.